

СРЕДА

Экран и

сцена - 1992 - 9-16/5 (1/2) - с. 15

Эк

Киношное начальство никогда не жаловало меня. И правда, не за что. Родственников в ЦК КПСС не было у меня, родичей в МИД СССР — тоже. Характер — вздорный. Профиль — сложного происхождения. В общем — режиссер без чиновного рода и партийного племени. Начальству толку от меня никакого. Не могу ни помочь, ни заступиться. Один крупный киношный функционер, узнав, что мы из одного города, земляки, очень огорчился. Ну как же, его вдруг тоже станут считать ореховозувской шпаной в кино, как меня.

Короче, сметы на картины мне давали самые ничтожные, а про съемку за границей и заикаться не смей. Тогда у пирога плотненько стояли Ростоцкий

другу показать, как бы наш сценарий «Бухарин» оценил Леонид Ильич Брежнев.

— Напрашивается аналогия, — выдавливает Демин.

— Сиськимасиськи, — соглашаюсь я.

Тут перед нашим столиком возникает скромная женщина лет сорока. И говорит:

— Мистер Б. интересуется, чем вы занимаетесь.

— А где этот мистер Б. и чем он занимается, чтобы интересоваться? — возмущился я.

— А вон он стоит, — и показывает женщину на невзрачного, худощавого человечка у входа в зал. — По профессии бизнесмен.

— Он миллиардер, — здесь очень значительно, с расстановкой замечает переводчица.

Мы переглянулись.

— Нам нужны деньги на съемки в Париже, — говорю.

— О'кей, — кивает рыжеватой головой мистер.

— В Вене, — говорит Демин.

— О'кей,

— В Нью-Йорке.

— О'кей!

— И вообще, — решил я проверить его, как говорят, на вшивость, — нам нужно пятьдесят тысяч метров валютной пленки «Кодак».

И опять:

— О'кей!

вал я. Повернулся. И увидел трех женщин за сорок и мужика — по виду боксера — рядом с ними, поросшего от груди до пяток седеющей шевелюрой. Мой вопрос без ответа не остался:

— Возле Сан-Франциско.

— Не у нас, — подумал я и отвернулся к океану. Но поросший шевелюрой тут же заслонил мне всю перспективу:

— Простите, вы не из России?

— А что, заметно? — поинтересовался я.

— Заметно. Вас не трогает буря в Сан-Франциско.

— Не в Сан-Франциско, а возле, — я возмущился: не надо передергивать. Не хватает мне обвинений в равнодушии! Но шевелюрный не унимался:

ГДЕ НАЙТИ ПРОДЮСЕРА С ВАЛЮТОЙ?

(ВМЕСТО ИНСТРУКЦИИ)

с Наумовым. Не проснешься. Да я и не пытался. Снимая по скромным сметам фильмы про людей, которых знаю, и для людей, которых тоже знаю.

Но — задул, как говорится, ветер перемен. Даже не ветер еще, а так — легкое колебание воздуха. И самый наш мощный (в прямом смысле этого слова) критик Демин подал идею: давай делать фильм о Бухарине. Интересно! Про человека, который пытался и капитал приобрести, и невинность соблюсти. Правда, не получилось у него.

— Витя! — говорю я критику, — а у Бухарина ключевые знакомства — со Сталиным, с Троцким — за рубежом. Где снимать будем? В Таллинне?

— Никогда, — ответил Витя, поскольку Таллинн тогда еще не был границей.

И решил я, памятуя об этом самом ветре перемен, обратиться к генеральному директору гигантского нашего киноконcernа. Он мне простенько так отвечает:

— В концерне студии теперь самостоятельны. Ты в какой снимаешь? В студии Наумова? Вот и обращай к нему за валютой для съемок за рубежом.

Я запечалился. К Наумову обращаться бессмысленно. Он не зря свою студию сохранил после бурь Пятого съезда кинематографистов при помощи бывшего дипломата из бывшего руководства бывшего СССР. У Наумова — свой «Выбор», свой «Берег», свой «Закон».

Пошли мы с критиком Деминим справить тризну по своему замыслу. И не в ресторан Дома кино, где все увидят скорбь, а в ресторан Дома литераторов — авось не все заметят наши печальные физиономии. Сидим. А когда совсем немоготу стало, решили друг

Ну нас с Деминим бизнесменами в ресторане не запугаешь, и я гордо говорю мистеру Б., который уже подошел к нам:

— Мы пародируем Брежнева.

— А кто вы?

— Я режиссер, а мой друг — критик и сценарист.

— А какой фильм вы поставили? — спрашивает этот самый мистер Б., естественно, через переводчицу. Он мне порядком надоел. Лезу я в карман, вынимаю мелочь, отсчитываю полтинник, протягиваю мистеру Б. и вежливо предлагаю:

— Идите. Купите билет. И смотрите мою картину. «Дорогое удовольствие» называется. Идет в 23 кинотеатрах.

Мистер мой полтинник не взял. Сказал, что картину и на свои бабки посмотрит, и спрашивает:

— А сейчас вы что снимаете?

Тут включился критик и отвечает за меня:

— Фильм «Бухарин».

— Под «Бухарина» я дам деньги, — не задумываясь, реагирует мистер Б.

Видали мы таких ресторанных меценатов. Приехал откуда-то там и принимает нас за зулусов! Демин и врезал ехидно ему:

— У вас что, лишних пара тысяч валюты завелась?

— Завелась, — отвечает он через ту же переводчицу, а она добавляет от себя:

— Вы его обидели!

— Чем? — спрашиваю.

— Он не миллионер.

— Ну и что? У нас все не миллионеры, а кто миллионер — тот чаще помалкивает.

● Подготовительный период.

— А что же ему надо взамен? Только переведите точно!

Переводчица пошептала с мистером Б. и формулирует:

— Ему нужно, чтобы вся заграница снималась в Голливуде и чтобы фильм был хорошим!

— О'кей, — говорю теперь я, — а вдруг я плохой режиссер — плакали ваши денежки!

— Раньше, чем деньги давать, я все-таки ваши фильмы прежние посмотрю. — И мистер Б. полез в карман, вытащил свои центы и начал спокойно так отсчитывать себе свой собственный полтинник на билет.

Мое ресторанный сидение не прошло даром — фильм «Враг народа Бухарин» был снят, пленка «Кодак» куплена на валюту, студия «Уорнер бразерс» в Голливуде испытала присутствие нашей группы. В результате я сидел в кресле на пляже легендарного курорта Акапулько, что в Мексике, слушая дыхание Тихого океана и гадая, где найти деньги для съемок эпизодов трагедии «Троцкий». Как ни странно, тянуло с берега океана на сушу ресторана Дома литераторов — авось снова возникнет какой-нибудь мистер с переводчицей! Но мистера не было. Были разносчики прохладительных напитков, по-испански предлагавшие мне свой товар. Я отвечаю:

— Компромисса сеньор — единственное выражение по-испански, которое я знал после просмотра «Веселых ребят» с детства. И вдруг сквозь испанское воркование боев в белых шортах и шлемах уловил русскую фразу:

— Вчера была пыльная буря.

— Где это? — автоматомотреагиро-

— Простите, а вы кто?

Я услышал этот вопрос и вздрогнул: а вдруг это мистер Б. из ресторана Дома литераторов. Но в другом облики! И как можно ласковой выдал:

— Кинорежиссер.

— Какой фильм вы сняли?

Ну что может знать этот житель Сан-Франциско о моих картинах. Здесь, в Акапулько, я смогу ему дать шесть тысяч песо на билет. Чтобы пошел смотреть мои фильмы. Но их здесь до пенсии не найдешь. Что делать? Еще мгновение — и интерес ко мне пропадет. Я напрягся. В критических ситуациях у меня реле памяти срабатывает. Врубился! И вспомнил, что когда-то шла в Сан-Франциско моя «Гражданка Никанорова», и назвал ее. Шевелюрный расплылся. Удивительно!

— Ваш фильм — в моей фильмотеке, — сказал он.

— Не может быть. Наверное, не в фильмотеке, а в видеотеке, — возразил я, прикинув, что шевелюрный стал забывать русское значение слов.

— Нет. В фильмотеке.

— Не может быть. Копия есть только в фильмотеке компании «Руссарт», которая прокатывала картину.

— А я и есть «Руссарт», — сказал шевелюрный.

Все дальнейшее пересказывать было бы банальностью. Так что, если вам нужно снимать за границей, — не обращайтесь к руководителям студий: они сами любят там снимать.

Ходите лучше в ресторан Дома литераторов и посещайте почаще Акапулько

Леонид

Мариям